

ИНТЕРЕСНЫЙ СОБЕСЕДНИК

Архивские и факты. - 1992. - №8. - с. 6

Я — счастливый человек

Наш корреспондент Е. ХОЛИНА беседует с актером В. ЛИВАНОВЫМ.

— Василий Борисович, вас можно назвать потомственным актером. Вы выбрали эту профессию только в силу семейной традиции?

— Это было бы естественно. Действительно, я — уже третье поколение в нашей актерской семье. Актером был и мой дед, мой отец, мне был хорошо знаком этот мир. И все же я стал актером не по инерции. Это даже было своего рода преодоление — ведь отец всячески оградил меня от этой профессии. Я рисовал, окончил художественную школу, даже едал экзамены в Институт Сурикова. Но понял, что, не иснив из актерской чаши, я жить спокойно не смогу. И пошел сдавать еще один экзамен — в театральное училище имени Щукина.

— Наверное, своих-то детей вы постараетесь уберечь от этой стези?

— Увы. Сын недавно просто поставил меня перед фактом: сказал, что он утвержден на «Мосфильме» на главную роль. Так что есть угроза, что в нашей семье возникнет и четвертое актерское поколение. Слава Богу, что актером по благу быть невозможно. Можно за кого-то написать роман, нарисовать картину, но сыграть за кого-то невозможно.

— Вы стали меньше сниматься. Видимо, это связано с тем, что много времени отдаете Театру детектива, которым руководите?

— Нет. Время могло бы найтись — нет желания. Хотя предложений больше, чем достаточно, но предлагают ужасные сце-

нарии: сплошь насилие, жестокость, порнография. Это чудовищно! И я отказываюсь. Это перенос американского провинциального ширпотреба на наши экраны. Это типичная бесовщина. Не имеет значения, во что она рядится — в коммунистические идеи, демократические или какие-нибудь еще. Хотя у нас нет и не может быть другой точки отсчета, кроме христианской.

— Вы православный?

— Я католик. Но это не имеет значения. И православие, и католицизм — это единая апостольская церковь. Я сам хожу в православную церковь. Моя мать была полька, и няня тоже. Она меня и окрестила. Сам я не выбирал веры. Отец же у меня из волжских казаков. Я русский человек и воспитан русской культурой. Поэтому, например, я в бешенство прихожу, когда слышу, что лепят дикторы, я уж не говорю о главах государства. Трагедия уничтожения культуры начинается с уничтожения языка...

— Ваше трепетное отношение к языку, видимо, объясняется еще и тем, что вы не только актер, но и писатель. Кстати, почему вы начали писать? Нужно был еще один способ самовыражения?

— Скорее всего. Вообще-то сначала я не рассчитывал публиковаться. Просто сочинял сказки для своей маленькой дочери. Но прочитал их Самуилу Яковлевичу Маршаку, и он убедил меня, что это сделано профессионально и их надо публиковать. Он даже договорился до того, что я вообще брошу актерскую профессию и буду зани-

маться только литературой. И что пьесы буду писать — тоже он мне предрек.

Напечатали меня впервые в 1964 г. в «Литературной России». Причем редакция отказалась брать мои сказки, быстро уловив там «опасный» подтекст. Но Лев Кассиль напечатал их под свою ответственность. Потом у меня вышла отдельная книжка сказок, потом сборник повестей, в позапрошлом году — еще один.

— Василий Борисович, можно ли сказать, что вы — счастливый человек?

— Да, я безусловно счастливый человек. И прежде всего потому, что я занимаюсь своим делом и не тшусь заниматься другим.

— А в семейной жизни?

— И в семейной жизни я тоже очень счастлив. В этом году исполняется двадцать лет, как я женат. У меня двое сыновей. Одному — восемнадцать, другому — восемь. Дочери от первого брака уже двадцать восемь, и мой внук — ровесник моего младшего сына.

— А когда вы сами почувствовали себя взрослым?

— Лет, наверное, в сорок. Тогда я осознал меру своей ответственности, тогда же потерял своих родителей. Потому что, пока родители живы, вы все-таки мамин или папин, пусть у вас хоть вся голова уже седеет... Толстой сказал, что человек живет полной духовной жизнью, только начиная где-то с сорока лет.

— Значит ли это, что вы не боитесь старости?

— Совершенно не боюсь. Я всю свою жизнь дружил со стариками, и они всегда мне были страшно интересны — они много знают и понимают. И вообще старость имеет свою невероятную прелесть. Если вы хорошо прожили молодость — безумствовали, ухаживали за дамами, страдали, подвигали себя на подвиги и если вы в зрелом возрасте выполнили какие-то свои задумки, то старость, по моему, прелесть.

— Вам пишут поклонницы?

— Много. Особенно после роли Шерлока Холмса. Как очередной раз покажут сериал — новый поток писем. Иногда, кстати, поклонницы очень достают, особенно дурацкими телефонными звонками. Звонят и молчат. Дышат.

— Говорят, что вы человек, с которым сложно общаться...

— Застрелите из кривого пистолета того, кто это говорит! Но по правде — и слава Богу. Я этому очень рад. Если человек что-то собой представляет, он обязательно непрост в общении. Есть вещи, на которые я никогда не соглашусь. Многих это не устраивает. А то вот придет какая-нибудь девица, и первый вопрос: «Как вы относитесь к сексу?». Будешь тут трудным в общении.

— Кстати, а как вы относитесь к сексу?

— ...?!